

Дождь утих, умыв весенний пейзаж, и в воздухе разлилась благодать весеннего равноденствия.

Наследник сиятельного князя Цзина, Вэнь Хуайгу, пригласил отобедать Чи Нина и его названного сына Ся Ся. Изначально звали и старшего соученика Цзян Чжиуэя, однако тот остался верен своей неистребимой тяге к домашнему очагу. Едва миновав ворота Императорской тюрьмы, Цзян Чжиуэй лишился своего привычного сопровождения в виде блуждающих призрачных огней — впрочем, его это нисколько не удивило. Привычным жестом он обмел себя и младшего соученика ветками помело, счищая налипшую тюремную скверну, и поспешил откланяться, горя желанием поскорее вернуться в собственную городскую усадьбу.

Не зная Чи Нин наверняка, что старшего соученика совершенно не интересуют прелести плотской любви, он непременно заподозрил бы, что дома у того укрыта какая-нибудь тайная красавица.

Умчавшийся прочь Цзян Чжиуэй лишь вздернул свое детское личико и бросил в ответ на дразнилки младшего соученика:

— Глупости! Как можно забивать голову романтической чепухой? Я желаю лишь одного — стать честным судьей, грозой беззакония!

Чи Нину оставалось лишь мысленно развести руками. Ну и ладно.

Вэнь Хуайгу и Ся Ся из уважения к Чи Нину сдержали улыбки, зато Господин Юань церемониться не стал.

"Ха, в будущем можешь почаще общаться со своим старшим соучеником, — раздался в сознании его насмешливый голос. — С ним точно не соскучишься"

Чи Нин, который уже всю дерзил своему могущественному покровителю, мысленно огрызнулся:

"И чем же вам так полезно смотреть, как надо мной потешаются? Неужто это помогает вашей практике?"

Господин Юань, точно дразня котенка, отозвался со всей серьезностью:

"Как знать. Когда я в добром расположении духа, любые дела спорятся вдвое быстрее"

Чи Нин едва сдержал вздох, задаваясь извечным вопросом: неужели грозное имя Злого бога дает ему право на столь беспардонное бесстыдство?!

Под мерное покачивание экипажа они довольно быстро добрались до места назначения — Башни Взгляда на Реку, величайшего трактира в столице. Сюда шли ради знаменитого «Счастливого риса», который, по слухам, превосходно очищал душу от накопленной скверны.

Блюдо величали без изысков — просто «Счастливый рис». Поговаривали, будто и отборные зерна, и разнообразные овощи для него выращивали своими руками монахи из загородного монастыря Истинного Покоя. Овощи эти день за днем внимали утренним колоколам и вечерним барабанам, омываясь звуками священных сутр. Разумеется, в глазах обывателей все это наделяло пищу едва ли не чудодейственной буддийской благодатью.

— И что, омытый молитвами рис действительно вкуснее? — с тоской в голосе спросил Ся Ся.

Его собственное состояние нельзя было назвать скромным, но по сравнению с богатствами наследника князя и тем более Чи Нина он чувствовал себя сущим бедняком.

— Нет, — безжалостно разрушил иллюзии названного сына Чи Нин, — просто он обходится втридорога.

В монастыре Истинного Покоя было не так много монахов, и урожая, что оставался после их собственных нужд, едва хватало на продажу. Редкость рождала непомерную цену. Это яство, полностью именовавшееся «Счастливым рисом Восьми Сокровищ Брахмы», стало столь изысканным деликатесом, что одних только золотых монет для его заказа было мало. Лишь истинные вельможи и высокопоставленные чиновники могли заранее зарезервировать столик в Башне Взгляда на Реку и вкушать это чудо.

Раз уж наследник князя расщедрился на такое угощение...

В его намерениях крылось не только почтение, но и вполне конкретная просьба. Чи Нин не возражал против того, чтобы оказать услугу молодому господину в меру своих скромных сил. А если задача окажется непосильной — что ж, при должной щедрости со стороны просителя Чи Нин всегда мог свести его с по-настоящему влиятельными фигурами в столице.

Поднявшись на третий этаж в сопровождении почтительно семенящего хозяина заведения, они приблизились к уединенным покоем. Чи Нин еще не успел переступить порог, как в голове раздался предостерегающий голос Господина Юаня:

"Внутри кто-то есть"

Чи Нин подметил старинное слово, которым божество назвало отдельный кабинет. Подобный слог бытовал в прежние века. Это позволило юноше сделать еще один шаг к разгадке возраста своего спутника — очевидно, древний брусок черного дерева существовал уже тогда. Вот только в каком обличии? Был ли он уже тогда наделен разумом или лежал безжизненным куском древесины?..

Впрочем, гадать о том, кто занял зарезервированные покои, долго не пришлось. Ждать их там мог лишь один человек — сам сиятельный князь Цзин, который, по официальной версии, уехал навестить старого друга.

Грузная, непомерно широкая фигура князя была столь приметна, что ее очертания легко угадывались сквозь тонкую бумагу оконных рам. Будь здесь старший соученик Цзян с его причудливым воображением, он наверняка решил бы, что за ширмой сидит по меньшей мере трое.

Кланясь сиятельному князю, Чи Нин приложил все свое хваленое самообладание, чтобы не уставить взгляд на его плечо.

Там, тесно прижавшись к мужчине, восседал женский силуэт — призрак Одержимости, сотворенный не из привычной зыбкой дымки, а обретший пугающую плотность и ясность. Не пари она над полом, Чи Нин ни за что не отличил бы ее от живого человека.

"Если я правильно понимаю, этот дух куда сильнее прочих?" — мысленно спросил Чи Нин.

"Верно мыслишь, — отозвался Господин Юань с одобрением наставника, довольного смысленным учеником. — Подобная глубина чувств встречается нечасто"

Когда Чи Нин вошел, призрачная дева на мгновение устремила взор на расшитый мешочек с благовониями, висевший у него на поясе, но по какой-то причине сразу же отвела глаза и замерла.

"Раз уж Одержимость столь сильна, здесь кроется какая-то жестокая несправедливость?" — предположил юноша, рассуждая как обычный человек.

"А тебе известны семь буддийских страданий?" — вопросом на вопрос ответил Злой бог.

Об этих тонких материях Чи Нин знал не понаслышке. В былые годы его второй старший соученик, Юй Синчуй, грешивший излишней поэтичностью, обожал вздыхать на луну и декламировать высокопарную чепуху в духе «не предам учение Будды, не предам и тебя» или «мечтаю встречать с тобой каждый рассвет». Разумеется, среди этих излияний упоминались и семь великих скорбей: рождение, старость, болезнь, смерть, разлука с любимыми, встреча с ненавистными и недостижимость желаемого.

"Любое из этих чувств способно породить Одержимость, — пояснил Господин Юань, в очередной раз убеждаясь, что этот юный евнух черств как камень. — Не обязательно совершать преступление"

Чи Нин мысленно кивнул и тут же пустился во все тяжкие, строя догадки одну грязнее другой:

"Неужто наш добропорядочный князь на поверку оказался подлецом, разбившим девичье сердце?"

Господин Юань не выдержал подобной пошлости:

"Тебе и в голову не пришло, что это может быть покойная супруга князя Цзина?"

Чи Нин мысленно развел руками. Приходилось признать, что годы, проведенные в императорском дворце среди интриг и предательств, изрядно подпортили его веру в чистую любовь и семейное счастье. Дворцовые стены не располагали к возвышенным чувствам. Однако намек Господина Юаня заставил его взглянуть на духа иначе. Эта молодая женщина и впрямь могла оказаться покойной супругой князя.

Супруга князя Цзина покинула этот мир вскоре после рождения наследника. Ни Чи Нин, ни сам Вэнь Хуайгу не застали эту удивительную женщину, которая умудрялась сохранять мир и лад даже в отношениях со свекровью.

А ведь вдовствующая императрица Юцинь слыла самой несносной и деспотичной старухой во всей Поднебесной. И бывшая императрица Цянь, супруга усопшего государя Тяньхэ, и нынешняя владычица Срединного дворца Лю, и жены прочих удельных князей могли бы порассказать немало горьких историй о крутом нраве августейшей свекрови.

И лишь покойная супруга князя Цзина не только жила с ней в абсолютном согласии, но и после смерти удостоилась чести быть вечным примером для подражания, которым попрекали всех остальных невесток.

Осознав, что призраком на плече князя была его безвременно ушедшая супруга, Чи Нин мгновенно утратил к ней всякий интерес. История супругов, любивших друг друга до гробовой доски, казалась ему пресной. Никаких тайн, никакого коварства — лишь сопливая романтика, от которой сводит зубы.

Скука смертная.

— Покорно благодарю Ваше Высочество за великодушное заступничество, — Чи Нин отвесил безупречный поклон, начиная свою привычную игру в придворную вежливость. Стоило ему увидеть Вэнь Хуайгу у ворот тюрьмы, как он сразу понял, чья именно сильная рука вытащила их на свободу.

— Пустяки, право, не стоит благодарности, — князь Цзин небрежно взмахнул пухлой ладонью, явно не придавая этому значения. — Прости, что пригласил тебя столь тайным образом. В нынешние времена осторожность превыше всего, надеюсь на твое понимание.

Слухи о том, что князя сегодня нет в поместье, распускались намеренно, дабы отвести любые

подозрения. Дружба Чи Нина с молодым наследником — это одно, но тайные сношения с самим удельным владыкой в глазах нового императора выглядели бы преддверием заговора. Это прекрасно понимали оба собеседника.

— Чем я могу быть полезен Вашему Высочеству? — без лишних предисловий спросил Чи Нин. В их положении каждая лишняя минута лишь увеличивала опасность разоблачения.

По характеру Вэнь Хуайгу легко угадывался нрав его отца — князь тоже не любил пустых разговоров, и прямота молодого евнуха вызвала на его лице одобрительную улыбку.

Ся Ся, проявив завидную понятливость, бесшумно поднялся и выскользнул за дверь, дабы посторожить коридор.

Князь Цзин, впрочем, все равно понизил голос до шепота. Обмакнув палец в чашку с чаем, он быстро начертил на лакированной столешнице два иероглифа: «Срединный дворец».

— Известно ли тебе... — тихо проговорил он, — что кое-кто из обитателей этих покоев на днях тайно призывал к себе придворного лекаря?

Хозяйкой Срединного дворца ныне являлась императрица Лю — женщина на редкость осмотрительная и не любящая привлекать к себе лишнего внимания.

В самом визите лекаря к государыне не было ничего предосудительного, но слово «тайно» в корне меняло дело.

— Вы хотите сказать... — Чи Нин мгновенно уловил намек.

Императрица Лю, по всей видимости, понесла. И ее крайняя осторожность могла означать лишь одно: она панически боялась вдовствующей императрицы.

Августейшая Юцинъ была не просто грозной старухой, она приходилась родной бабкой маленькому принцу Вэнь Чэню. Пусть в споре за трон она и уступила новому императору, все понимали: сдаваться она не намерена. Теперь ее главной целью стало вернуть престол единственному наследнику покойного императора Тяньхэ.

«Пусть сейчас престол перешел от брата к брату, — поговаривали в кулуарах о воле вдовствующей императрицы, — но после него власть обязана вернуться к законной ветви усопшего государя!»

Она требовала, чтобы новый император провозгласил Вэнь Чэня наследным принцем.

И у нее хватало сторонников среди министров. В свое время совет чиновников поддержал

воцарение нового императора лишь потому, что выбирал меньшее из двух зол, стремясь не допустить к власти алчную родню покойного правителя. Но после кончины нынешнего государя трон, по справедливости, должен был отойти юному Вэнь Чэню.

Вот только сам император думал иначе. У него подрастали собственные сыновья, пусть и рожденные наложницами. С какой стати он должен отдавать с боем вырванную власть чужому отпрыску?

Именно поэтому юный принц до сих пор оставался во дворце без официального титула, а вопрос о его будущем превратился в пороховую бочку, готовую взлететь на воздух от малейшей искры.

Если бы императрица Лю родила законного наследника Срединного дворца, позиции нового государя укрепились бы стократно.

— Ты же понимаешь, к чему я клоню... — князь Цзин многозначительно посмотрел на Чи Нина.

Вдовствующая императрица костью ляжет, но не допустит рождения этого ребенка. Будь то мальчик или девочка — рисковать она не станет.

Чи Нин нахмурился, его губы тронула холодная усмешка:

— Столь деликатные дворцовые тайны...

Князь Цзин сокрушенно вздохнул, собираясь сказать: «Понимаю, задача не из легких, не хочу обременять тебя...»

Но Чи Нин, выдержав паузу, невозмутимо закончил мысль:

—...требуют особой платы.

Господин Юань удивленно хмыкнул в его мыслях:

"Разве ты не зарекался вредить невинным младенцам?"

"Именно так, — отозвался Чи Нин. Пусть он и слыл человеком коварным, у него имелись свои нерушимые правила, и безжалостное истребление неродившихся душ в них не входило. — Я лишь испытываю его"

Что именно он хотел разузнать? Господин Юань не успел спросить, ибо князь Цзин поспешно пошел на попятную:

— Нет-нет, прибегать к столь крайним мерам вовсе не обязательно.

— Какова же тогда воля Вашего Высочества? — Чи Нин мягко улыбнулся собеседнику. Теперь он окончательно удостоверился: помыслы князя Цзина не во всем совпадали с планами деспотичной вдовствующей императрицы.

Отдай подобный приказ сама августейшая Юцинь, и императрица Лю вместе со своим еще не рожденным дитятей уже завтра отправились бы к праотцам.

— Неужто нет иного, более мягкого пути? — на лице князя отразилось искреннее нежелание проливать кровь. — Нам лишь нужно поскорее возвести Чэнь-эра на престол...

Чи Нин мысленно покачал головой. С такой мягкотелостью князю вовек не видать величия. Смертный приговор соперникам — естественный закон выживания во дворце.

Впрочем, иметь дело с малодушными покровителями Чи Нину даже нравилось. С безвольными добряками куда проще вести дела — они не вонзят тебе нож в спину при первой возможности.

Чи Нин охотно предложил иной выход:

— Слыхали ли вы присказку о том, что пожар легче всего раздуть в собственном тылу? Нашему государю давно пора расширить свой скромный гарем.

— Далекой водой не потушить близкий огонь, — покачал головой князь Цзин. — Я думал об этом. Но император пока не желает устраивать пышные смотрины, да и отбор наложниц — дело долгое. Пока во дворец придут новые девы, дитя государыни Лю успеет справить свое первое полнолуние.

— Отчего же? Превосходный случай у нас прямо перед глазами, — Чи Нин лукаво перевел взгляд на молчаливого наследника, что сидел подле них тише воды ниже травы.

Устроить женитьбу молодого господина — задача благодатная. Раз уж Вэнь Хуайгу волен выбирать невесту по душе, то девицы, оставшиеся не у дел...

— Верно! — князь с силой хлопнул себя по колену, и глаза его азартно блеснули.

Сроки поджимали. Нужно было провернуть задуманное до того, как у императрицы округлится живот. И если князь Цзин объявит о начале отбора невест для своего сына прямо сейчас, то под этим благовидным предлогом можно будет стянуть в столицу лучших красавиц империи.

Покончив с заговором, князь, укутавшись в плащ, поспешил незаметно ускользнуть через черный ход.

Не успел Чи Нин перевести дух после столь важного уговора, как сидевший напротив наследник Вэнь Хуайгу робко подал голос:

— Господин Чи... Я ведь так и не успел поведать вам о своих сердечных склонностях...

Чи Нин снисходительно улыбнулся. Юношеские порывы были ему понятны.

— Слушаю вас внимательно. Даже если времени мало, я костыми лягу, но отыщу девицу, что пленит ваше сердце.

— Мои притязания весьма скромны, — наследник кротко улыбнулся, точно не желая показаться излишне привередливым. — Мне любезны лишь мужчины.

Чи Нин опешил.

"Интересно, подозревает ли благородный отец о столь причудливом своеволии своего единственного чада?!"

<http://bllate.org/book/20385/2132150>